

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ВТОРОГО ЛИЦА МЕСТОИМЕНИЙ И ГЛАГОЛОВ В ЯЗЫКЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Э. А. Алиева

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Впервые на материале языковой структуры произведений писателей-орнаменталистов показана модификация функционально-семантического статуса форм 2-го лица местоимений и глаголов. В орнаментальном повествовании данные формы позволяют имитировать коммуникативную ситуацию непосредственного общения субъекта речи с различными типами адресатов; служат одним из показателей субъективизации, создают игру формами 3-го и 2-го лица, что способствует созданию полифонизма.

Ключевые слова: субъектно-экспрессивные формы синтаксиса, второе лицо, глагол, местоимение, функции, семантика, орнаментальная проза.

В современной лингвистической науке достаточно большое количество исследований посвящено изучению форм 2-го лица в различных аспектах (В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, М. В. Панов, Д. Н. Шмелев; В. А. Богородицкий, Е. Бенвенист, Ю. С. Степанов, О. Н. Селиверстова, С. А. Крылов и Е. В. Падучева; Л. Я. Маловицкий; Н. М. Пазилова).

В лингвистических исследованиях получило освещение и изучение семантики и функционирования форм 2-го лица в лирике. Одна из первых работ такого рода — незаконченная статья Г. О. Винокура «Я и Ты в лирике Баратынского» [4].

Наиболее интересны, на наш взгляд, работы И. И. Ковтуновой [5; 6] и Н. М. Азаровой [3]. Лингвисты отмечают, что изменения семантики форм 2-го лица местоимений и глаголов происходят под влиянием своеобразного поэтического контекста [3. С. 197; 6. С. 89].

Обзор источников показал, что в лингвистической и лингвопоэтической литературе достаточно освещение получили взаимоотношения форм 1, 2, 3-го лица местоимений в разговорной речи и поэтическом тексте. Однако функционирование личных местоимений, а тем более форм 2-го лица местоимений и глагола в орнаментальном художественно-прозаическом тексте специально не рассматривалось. Это обуславливает актуальность выбранной нами темы исследования. Помимо этого, в данной статье впервые проводится анализ форм 2-го лица местоимений и глаголов с учетом доминирующего типа повествования, соотношения этих типов, использования различных форм изображения действительности в рамках одного художественного целого, а также особенностей литературно-художественной коммуникации и языковых средств ее воплощения в русской орнаментальной прозе. Этим обосновывается новизна данного исследования.

В связи с тем что орнаментальная проза ориентирована на язык лирической поэзии, мы можем предположить, что формы 2-го лица местоимений и глаголов, будучи использованы в монологическом художественно-прозаическом повествовании, также могут модифицировать свои функции и семантику.

Целью данного исследования является установление семантико-функционального статуса форм 2-го лица местоимений и глаголов в русской монологической орнаментальной художественно-прозаической речи.

Намеченная цель предопределяет постановку и решение следующих задач:

- 1) описать семантико-функциональные особенности форм 2-го лица местоимений и глаголов на горизонтальном и вертикальном срезах каждого привлеченного для анализа произведения;
- 2) определить специфику индивидуально-авторского использования данных форм в художественной речи, а также выявить общие особенности функционирования данных средств в языке орнаментальной прозы.

В речевой ткани произведений писателей-орнаменталистов («Петербург» А. Белого, «Смерть Вазир-Мухтатра» Ю. Тынянова, «Города и годы» К. Федина, «Дар» В. Набокова) широко используются формы 2-го лица местоимений и глаголов. Второе лицо, оказываясь в монологическом художественном тексте и будучи направленным к другому лицу или предметному миру, часто модифицирует свои функции и семантику.

При использовании вместе с повелением, обращением или в составе вопросительных предложений формы 2-го лица местоимений и глагола являются вспомогательным изобразительно-выразительным средством в художественной ткани произведений. Оно снимает дистанцию между субъектом речи и адресатом, вносит значение внутренней причастности

адресанта к предмету речи. Включение же форм 2-го лица местоимений и глаголов в монолог с самим с собой (разговор Грибоедова со своей совестью в романе «Смерть Вазир-Мухтара») [1. С. 99—102], напротив, создает дистанцию, указывает на раздвоение личности героя и способствует диалогизации его монолога. Напротив, присутствие второго лица в монологизированном диалоге (например, Сипягина в романе «Смерть Вазир-Мухтара») порождает эффект присутствия безмолвного собеседника [1. С. 99—102].

Встречаются фрагменты текста, когда 2-е лицо глаголов функционирует самостоятельно, независимо от других речевых форм диалога.

Местоимения и глагол 2-го лица могут реализовать апелляцию субъекта речи к внешнему неопределенно широкому адресату, читателю. Обычно это тот, кто духовно близок повествуемому субъекту, кто способен понять его и разделить его воззрения: *«Вдруг» знакомы тебе. Почему же, как страус, ты прячешься при приближении неотвратимого «вдруг»?* («Петербург»). С помощью формы 2-го лица местоимений и глагола настоящего времени сокращается психологическая дистанция между повествователем и читателем, создается эффект присутствия последнего в момент речи.

В приведенном ниже примере местоимение «вы» расширяется, вбирает в себя и самого автора, и любого, кто разделяет его воззрения: *Так будет, откуда литературная критика не отложит вовсе свои социологические, религиозные, философские и прочие пособия, лишь помогающие бездарности уважать самое себя. Тогда, пожалуйста, вы свободны: можете раскритиковать Пушкина за любые измены его взыскательной музе и сохранить при этом и талант свой и честь* («Дар»).

Вследствие обобщения высказывания в повествование привносится коммуникативная ситуация непосредственного общения субъекта речи с воображаемым оппонентом, которым может быть и читатель. Благодаря формам 2-го лица глагола и местоимения контакт автора с читателем может приобретать форму внутреннего диалога-спора: *Все пройдет и забудется, — и опять через 200 лет самолюбивый неудачник отведет душу на мечтающих довольстве простаках (если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно все равно)* («Дар»). В приведенном отрывке реализуется диалог автора с читателем-современником. В первой вставке [*если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей*] представлен альтернативный текстовому вариант будущего, воображаемого героем. С ней сцепляется другая вставка [*впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно*

все равно], в которой дается пренебрежительная реакция этого героя на возможную негативную оценку такого будущего со стороны читателя.

С помощью форм 2-го лица местоимений и глаголов осуществляется апелляция субъекта речи к обобщенному адресату — всякому, независимо от места и времени его существования. В подобных высказываниях имеет место передача личных впечатлений, внутренних переживаний повествователя или героя в обобщенной форме. Например: *Все это было вроде арабесков, как он их созерцал в бессонные ночи под Аббас-Абадом во время переговоров, что идешь-идешь за линией натыкаешься на перепону и путаница* («Смерть Вазир-Мухтара»).

При обобщенном адресате исчезает конкретный производитель действия, происходит отождествление субъекта речи и адресата. Это способствует активизации читательской позиции, так как автор умышленно воспроизводит хорошо знакомую ситуацию («идешь», «натыкаешься»), вызывающую сочувствие, сопереживание читателя.

В речевой ткани произведений орнаменталистов степень обобщенности адресата может иногда ограничиваться, например: *Коли бывал в Петербурге, то знаешь подъезд: там дубовые двери с зеркальными стеклами... Днем ли, иль утром, под вечер ли ты пройдеши мимо дверей — увидиши галун, булаву, треуголку. И остановишися перед видением... Коли тронется белая борода, прокачается булава и сверкнут галуны, будешь ты как безумный кружиться по петербургским проспектам* («Петербург»). Здесь повествователь тоже обращается с речью к обобщенному адресату. Однако степень обобщенности, передаваемая формами 2-го лица, под влиянием лексического контекста ограничивается определенными пространственно-временными рамками: адресат — это всякий, кто бывал в Петербурге, либо тот, кто силою творческого воображения переносится в описанную ситуацию, заняв место подобного адресата.

Роман В. Набокова «Дар» отличается свободой в использовании категории лица, включением в основной текст романа разнообразных отрывков, написанных поэтом Федором Константиновичем Годуновым-Чердынцевым. В двух созданных этим героем романах (о Чернышевском и об отце) воплощен поток его сознания. В связи с этим в речевой ткани названного произведения наблюдается частое чередование форм третьеличностного повествования, в которые вклиниваются фрагменты перволичностного, обращенные ко второму лицу.

Например: *Я с ней познакомился в июне 1916 года... Она была умна, малообразованна, банальна, то есть полной твоей противоположностью... нет, нет, я во-*

все не хочу сказать, что я ее любил больше **тебя**... («Дар»). В этом фрагменте перволичностное повествование Федора Константиновича, нейтральное по своему коммуникативному статусу, неожиданно переходит в высказывание, обращенное к конкретному адресату, его возлюбленной — Зине Мерц. При этом в предшествующем контексте никакого намека на диалогическую ситуацию не было. Адресация эта явно осуществляется во внутренней речи героя, в связи с чем последующее сообщение также оказывается обращенным к героине, как бы специально написанным для нее.

Благодаря употреблению форм 2-го лица личного, притяжательного местоимений и нечленимого отрицательного высказывания «нет-нет» создается впечатление реального присутствия адресата в момент речи, в то время как в действительности этот контакт с собеседницей чисто иллюзорный, он осуществляется в его внутренней речи. Герой диалогизирует свое повествование. Оно не только обращено к возлюбленной. Его форма, его лексическое наполнение строятся с расчетом на ее предполагаемую реакцию — он «оправдывается» перед ней. Диалог в отсутствии адресата воплощает раздвоение сознания героя, который вступает в воображаемый коммуникативный контакт с образом своей фантазии, то есть со своим вторым «Я».

Обращения героя к образу своей возлюбленной встречаются в речевой ткани романа неоднократно. Так, в завершающее все произведение третьеличностное описание воображаемой прогулки Федора Константиновича с Зиной вклинивается внутренняя речь этого героя, в которой он также мысленно обращается к своей возлюбленной. Например: *Этот запах таял, заменяясь черной свежестью, от липы до липы, и опять преснел мрак, и опять наливался медом. Неужели сегодня, неужели сейчас? Груз и угроза счастья. Когда я иду так с тобой, медленно-медленно, и держу **тебя** за плечо, все немного качается, шум в голове и хочется волочить ноги...* На переход от третьеличностного повествования во внутреннюю речь героя указывают такие субъектно-экспрессивные формы, как неполное вопросительное предложение, выражающее эмоциональное состояние героя, номинативный ряд, проникнутый глубоким звуковым повтором, порождающий паронимическую аттракцию (поэтическая этимология), форма 2-го лица личного местоимения, настоящее живописно-изобразительное время глагола. Внутренняя речь героя создает эффект «здесь и сейчас» происходящих событий; наличие местоимений 2-го лица порождает впечатление непосредственного контакта субъекта и адресата.

Подобная диалогизация наблюдается и во внутренней речи Федора Константиновича, обращенной к матери.

Так, рассказ о намерении написать книгу об отце Федор Константинович адресует своей матери. При этом в тексте нет никакого указания на то, что это письмо или что она находится рядом с сыном в момент речи. Сигналами перехода от объективного повествования к внутренней речи героя являются местоимения и глаголы 2-го лица: *Временами я чувствую, что где-то она уже написана мной, что вот она скрывается тут, в чернильных дебрях... **Ты** хорошо сама **знаешь**, с каким набожным чувством, с каким волнением я готовился к ней. **Ты** сама мне писала о требованиях, которые следует к такому труду предъявить... **Не брани** меня за слабость и трусость. Как-нибудь я **тебе** прочту случайные, разрозненные, неоформившиеся обрывки записанного мной: как оно не похоже на мою статную мечту!..* Как и в приведенных выше фрагментах, в данном отрывке осуществляется имитация диалога с отсутствующим в момент речи адресатом. Благодаря личным, притяжательным местоимениям и глаголам 2-го лица создается эффект присутствия. Использование данной субъектно-экспрессивной формы приводит к игре формами повествования, чем достигается эстетический эффект, осуществляет диалогизацию монолога, что создает впечатление «здесь и сейчас» происходящих событий. Кроме того, данные формы воплощают «раздвоение» сознания адресата речи и осуществляют приближение читателя к описываемому.

Встречаются случаи употребления форм 2-го лица глагола и местоимения и в апелляциях к неодушевленным предметам, которые волею героя-повествователя становятся адресатами его речи. Это, например, обращение Федора Константиновича с прощальной речью к ставшей ему родной и близкой комнате, в которой прошли несколько последних лет его жизни: *Этот мертвый уже инвентарь не воскреснет потом в памяти: не пойдет вслед за нами постель, неся самое себя; отражение в зеркальном шкапу не восстанет из своего гроба... Я бы **тебе** сказал прощай, но **ты** бы даже не услышала моего прощания. Все-таки — прощай.* В этом фрагменте предмет речи сначала называется в третьеличностном повествовании, а затем становится адресатом внутренней речи героя. При переходе от 3-го лица ко 2-му происходит мгновенное перенесение предмета речи в другое пространство: из пространства внешнего мира — в пространство внутреннего мира.

Таким образом, формы 2-го лица местоимений и глагола позволяют имитировать в повествовании коммуникативную ситуацию непосредственного общения субъекта речи (автора, повествователя) с различными адресатами. Адресатами речи героя могут выступать: его возлюбленная, мать, читатель, разделяющий его воззрения, и читатель-антогонист,

а также конкретные предметы, рукотворные объекты, абстрактные понятия, продукты творчества.

При переходе от 3-го лица ко 2-му или от 1-го ко 2-му происходит снятие дистанции между предметом речи и повествующим субъектом, создается эффект близости внутреннего адресата и адресанта. Кем бы ни был внутренний адресат, в подобном высказывании всегда предполагается и позиция внешнего адресата-читателя.

Чередование повествовательных форм, организованных с точки зрения 1, 2, 3-го лица, порождает гибкую речевую структуру, в которой объективные формы авторского изображения взаимодействуют с различными видами субъективизации.

Выводы. Изучение использования форм 2-го лица местоимений и глаголов в языке орнаментальной прозы показало, что, используя почти во всех повествовательных типах, данные формы охватывают важнейшие стороны произведения. На вертикальном срезе художественного текста формы 2-го лица местоимений и глаголов выполняют различные художественные функции. Они служат одним из показателей субъективизации повествования. Благодаря смене 3-го лица на 2-е происходит переход от внешней, объективной точки зрения на внутреннюю точку зрения субъекта речи.

Игра формами 3-го и 2-го лица местоимений и глаголов способствует субъектному расслоению повествования, созданию полифонизма речевой структуры художественного текста (А. Белый, «Петербург»; В. Набоков, «Дар»; К. Федин, «Города и годы»; Ю. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Форма 2-го лица местоимений и глаголов в рамках художественно-прозаического целого способна создавать диалогические отношения повествователя или

героя произведения с различными типами адресатов. При апелляции повествователя к читателю основной функцией форм 2-го лица местоимений и глаголов является создание прямого контакта между повествователем и читателем.

Достаточно часто местоимения «ты» и «вы» трансформируются в местоимение «мы», которое используется как прием косвенного контакта между повествователем и читателем. Под влиянием лексического контекста контактоустанавливающее местоимение «мы» может становиться средством подтрунивания повествователя над читателем (либо героем), пародирования его позиций.

С помощью форм 2-го лица местоимений и глаголов может осуществляться апелляция повествователя (или героя) к внутренним адресатам — героям, отсутствующим в момент речи («Дар»), что способствует диалогизации монолога, воплощает раздвоение сознания субъекта речи.

Формы 2-го лица местоимений и глаголов, использованные в ситуации коммуникативного контакта с заведомо некоммуникабельными объектами, нелицами, служат знаком внутренней сопричастности, близости автора или героя к предмету речи («Дар», «Петербург»). Коммуникативный контакт с нелицом выступает одновременно в качестве специфической для орнаментальной прозы формы автокоммуникации повествующего субъекта и воплощает не только его поэтическое познание, но и самопознание, самораскрытие, самовыражение.

Таким образом, 2-е лицо местоимений и глаголов, оказываясь в монологической ткани художественно-прозаического текста и будучи направленным к другому лицу или предметному миру, модифицирует свои функции и семантику.

Список литературы

1. Алиева, Э. А. Семантико-функциональные особенности вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века) : монография / Э. А. Алиева. — Ташкент, 2016.
2. Алиева, Э. А. Второе лицо местоимений и глагола в речевой ткани романа В. Набокова «Дар» / Э. А. Алиева // Восток — Запад: аспекты взаимодействия : материалы респ. науч.-практ. конф. — Ташкент, 2015 — С. 12—15.
3. Азарова, А. М. Местоимения «ты» и «Ты» в языке поэзии и философии [Электронный ресурс] / А. М. Азарова // Сиб. филол. журн. — 2008. — № 3. — С. 197—204. — URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=you_you.
4. Винокур, Г. О. Я и ты в лирике Баратынского / Г. О. Винокур // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. — М., 1990.
5. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. — М., 1986.
6. Ковтунова, И. И. Семантика форм лица в языке поэзии / И. И. Ковтунова // Рус. яз. в науч. освещении. — 2003. — № 1 (5).
7. Левин, Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю. И. Левин // Избр. тр. — М., 1998. — С. 469—470.
8. Левин, Ю. И. Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В. Набокова «Дар» / Ю. И. Левин // Russ. Literature. — 1981. — IX.
9. Макерова, С. Р. Актуализация категориальной семантики в художественном тексте (на материале местоимений) [Электронный ресурс] / С. Р. Макерова // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. — 2014. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-kategorialnoy-semantiki-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-mestoimeniy/>.

Сведения об авторе

Алиева Эльвина Аметовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека. Ташкент, Узбекистан. alieva.elvina@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 7—11.*

FUNCTIONAL STATUS OF THE SECOND PERSON OF PRONOUNS AND VERBS IN THE LANGUAGE OF ORNAMENTAL PROSE

E.A. Alieva

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan. alieva.elvina@rambler.ru

The functional status of the second-person forms of pronouns and verbs in an artistic prose monologue based on the material of Russian prose of the first third of the twentieth century is considered. Using examples from fiction works of ornamental writers, a modification of the functions and semantics of second-person forms of pronouns and a verb is shown, and it is concluded that these subjective-expressive forms of syntax allow us to imitate the communicative situation of direct communication of the subject of speech in the narrative; serve as one of the indicators of subjectivization of the narrative, the transition from the external, objective point of view to the internal point of view of the subject of speech, the play of third and second person forms of pronouns and verbs, which contributes to the subjective separation of the narrative to create polyphonism of the speech structure of the literary text; capable of creating dialogical relations between the narrator or the hero of the work with various types of addressees (external and internal).

Keywords: *subjectively expressive forms of syntax, second person, verb, pronoun, function, semantics, ornamental prose.*

References

1. Alieva E.A. *Semantiko-funkcional'nye osobennosti voprosa v hudozhestvenno-prozaicheskom monologe (na materiale yazyka russkoy prozy pervoy trety XX veka)* [Semantic and functional features of the issue in an artistic and prose monologue (based on the material of the Russian prose language of the first third of the twentieth century)]. Tashkent, 2016. (In Russ.).
2. Alieva E.A. Vtoroe lico mestoimeniya i glagola v rechevoy tkani romana V. Nabokova "Dar" [The second person of pronouns and a verb in the speech tissue of the novel by V. Nabokov "Gift"]. *East-West: aspects of interaction. Materials of the republican scientific-practical conference.* Tashkent, 2015. Pp. 12-15 (In Russ.).
3. Azarova A.M. Mestoimeniya "ty" i "Ty" v yazyke poezii i filosofii [The pronouns "you" and "You" in the language of poetry and philosophy]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2008, no. 3, pp. 197-204. Available at: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=you_you (In Russ.).
4. Vinokur G.O. Ya i ty v lirike Baratynskogo [You and I are the lyrics of Baratynsky]. *Philological Studies: Linguistics and Poetics.* Moscow, 1990. (In Russ.).
5. Koftunova I.I. *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow, 1986. (In Russ.).
6. Koftunova I.I. Semantika form lica v yazyke poezii [The semantics of facial forms in the language of poetry]. *Russian language in scientific coverage*, 2003, no. 1 (5) (In Russ.).
7. Levin Yu.I. Lirika s kommunikativnoy tochki zreniya [The lyrics are from a communicative point of view]. *Selected works.* Moscow, 1998. Pp. 469-470. (In Russ.).
8. Levin Yu.I. Ob osobennostyah povestvovftel'noy struktury i obraznogo stroya romana V. Nabokova "Dar" [On the peculiarities of the narrative structure and the figurative system of V. Nabokov's novel "Gift"]. *Russian Literature*, 1981, IX. (In Russ.).
9. Makerova S.R. Aktualizaciya kategorialnoj semantiki v hudozhestvennom tekste (na materiale mestoimeniya) [The actualization of categorical in creative writing (based on pronouns)]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2014. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-kategorialnoj-semantiki-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-mestoimeniya> (In Russ.).